Походъ на Индію.

Первые „индійсіе гости“ появились въ предѣлахъ Совдепіи весною 1920 года. Совнаркомъ и Исполкомъ Туркестанской республики привѣтствовали въ рядѣ засѣданій делегацію передового пролетаріата пробуждающейся Индіи въ лицѣ братьевъ Али и ихъ спутниковъ.

Совѣтскія газеты были полны статей о заревѣ начинающагося пожара на Востокѣ, о будущемъ возстаніи въ Индіи — ударѣ въ сердце капиталистической Англіи.

На цѣломъ рядѣ митинговъ, устроенныхъ въ Ташкентѣ, совѣтскими ораторами всячески развивалась мысль о значеніи для міровой революціи движенія, зарождающагося въ Индіи.

Не мало вниманія удѣлялось развитію положеній о томъ, что особыя условія быта Востока, — отсутствіе въ немъ ярко выраженнаго класса рабочихъ, какъ на Западѣ, отсутствіе мелко-буржуазнаго класса, — гораздо благопріятнѣе для развитія и воспріятія идей коммунизма, чѣмъ „гнилая“ культура Запада, въ которой рабочій классъ продалъ свои классовые интересы за подачки имперіалистовъ.

На митингахъ выступали и братья Али, которые убѣждали туземныя массы Туркестана въ необходимости укрѣплять совѣтскую власть, которая несетъ освобожденіе порабощеннымъ всего міра.

Эти рѣчи имѣли мало шансовъ на успѣхъ, т. к. мусульмане плохо посѣщали митинги, плохо знали условія жизни Индіи, но на своихъ плечахъ выносили въ этотъ моментъ прелести режима совѣтскаго строя.

Передъ ними были кровавые примѣры отношенія большевиковъ къ вопросамъ о національномъ самоопредѣленіи мусульманъ: бойня въ Кокандѣ, гдѣ былъ данъ первый урокъ того, какъ надо понимать „автономность“, и „революція“ въ Хивѣ, закончившаяся утвержденіемъ „Хорезмской Совѣтской Республики“, отданной въ неограниченное командованіе группѣ проходимцевъ съ одновременнымъ похищеніемъ національныхъ цѣнностей изъ дворца Хивинскаго Хана,

Кто были эти братья Али, оставалось загадкой, хотя нѣкоторыя группы мусульманскихъ интеллигентныхъ круговъ увѣряли, что вся индусская делегація сфабрикована въ Кушкѣ изъ ряда афганскихъ проходимцевъ, предлагавшихъ совѣтскимъ представителямъ свои услуги по всякаго рода товарообмѣннымъ операціямъ.

Дѣйствамъ III Интернаціонала нужно было положить начало операціямъ по „походу на Индію“, они подобрали соотвѣтствующіе персонажи для очередной инсценировки.

Послѣ газетнаго и митинговаго шума „миссія“ спокойно зажила на иждивеніи совдепа, появляясь лишь на парадахъ и торжествахъ.

Въ это же время по директивамъ изъ Москвы начали создаваться „курсы пропаганды на Востокѣ“, а за ними „школы подготовки командного состава“ для мусульманъ.

Въ нихъ готовились кадры политическихъ и военныхъ „спецовъ“ для углубленія революціи на Востокѣ.

Въ это же время началась усиленная агитація въ Бухарѣ, Персіи и Афганистанѣ.

Общее положеніе на фронтахъ не давало возможности начать конкретно развивать планъ похода на Индію; пока это было программной темой къ иллюстраціямъ задачъ коммуны на Востокѣ.

Программа была проста, но грандіозна и широковѣщательна. По ликвидаціи Туркестанскихъ фронтовъ и водворенія „совѣтскаго порядка“ на Кавказѣ коммунисты должны были помочь „окончательному развитію революціи въ Персіи“. Между строкъ было ясно, что къ этому моменту самостоятельныя Бухара и Афганистанъ „самоопредѣляются“ соотвѣтственно коммунистическимъ планамъ при самой незначительной поддержкѣ со стороны Р. С. Ф. С. Р.

Къ этому времени движеніе въ Индіи настолько разовьется, что при смыканіи краснаго фронта легко будетъ зажечь пожаромъ всѣ Индійскія владѣнія Англіи.

Это въ свою очередь вызоветъ вспышку въ Малой Азіи, толкнетъ къ революціонному подъему Турцію, и пожаръ всего Востока, всей мусульманской массы, ставшей коммунистическимъ раемъ, будетъ грознымъ отвѣтомъ коммунистовъ обманувшему ихъ Западу.

Пусть гаснутъ искры мірового пожара на Западѣ, онъ будетъ раздутъ на Востокѣ.

Такова была канва пылкихъ узоровъ будущаго Коммуны въ устахъ совѣтскихъ златоустовъ Туркестана.

Послѣдовательная политика наглой лжи, предательства и насилія дала возможность быстро покончить съ Бухарой и независимой Грузіей, коммунисты лишь „слегка“ при помощи красноармейскихъ частей, пулеметовъ и артиллеріи помогли революціонному пролетаріату покончить съ буржуазными правительствами.

Кончились одинъ за другими красные фронты, коммунисты забрящали новымъ оружіемъ.

Осенью 1920 года началось формированіе ударныхъ частей красной арміи для похода на Индію.

Штабъ Туркфронта началъ разработку плановъ наступленія черезъ Кашгаръ, Афганистанъ и Персію.

Началось формированіе артиллерійскихъ горныхъ дивизіоновъ и мусульманскихъ частей и переброска войсковыхъ частей къ границамъ Афганистана и Персіи.

Пятая армія еще до этого была переправлена въ раіонъ Энзели для „поддержки“ персидскихъ революціонеровъ подъ начальствомъ Кучукъ Хана.

На границѣ съ Афганистаномъ у Мазари-Шерифа появилась „торговая делегація“ для товарообмѣна съ афганцами, черезъ нѣкоторое время по испытанной программѣ совѣтская миссія подняла флагъ Р. С. Ф. С. Р. въ Мазари Шерифѣ въ Афганистанѣ.

Можетъ быть, тѣ же самые „дипломаты“, что принимали драгоцѣнные перстни отъ Эмира бухарскаго и нагло лгали ему о чувствахъ дружбы и расположенія, повторяютъ заученный урокъ по адресу афганскаго эмира, въ то же самое время выбирая среди группирующихся около миссіи проходимцевъ ревкомъ и совнаркомъ будущей афганской совѣтской республики.

Осень 1921 года принесла вѣсти о возстаніяхъ въ сѣверной Индіи, о томъ, что братья Али выступили въ качествѣ боевыхъ вождей во главѣ нѣкоторыхъ группъ возставшихъ.

Очевидно походъ на Индію начинаетъ вступать въ стадію очередной коммунистической „кампаніи“, очевидно, золото несчастной, разоренной, умирающей отъ голода и эпидемій Россіи, щедрой рукой разбрасываемое совѣтскимъ правительствомъ для цѣлей развитія міровой революціи, сдѣлало свое дѣло въ Индіи, кадры „ударныхъ“ работниковъ встали на работу и начали преступную дѣятельность лжи насилій на Востокѣ.

Можетъ быть, этотъ походъ, наконецъ, заставитъ руководителей англійской политики покончить съ двусмысленнымъ отношеніемъ къ совѣтской власти, вскроетъ для нихъ глубже истинную природу коммунизма „поможетъ сдѣлать послѣдній исчерпывающій выводъ, что съ руководителями Московской Коммуны, палачами русскихъ христіанъ можетъ быть только одна ясная и честная политика — политика борьбы вооруженной силой.

В.

ИЗЪ МОСКОВСКАГО БЫТА.

Сов. газета „Трудъ“ пишетъ, что въ Москвѣ не рѣдко можно наблюдать нападенія на прохожихъ голодныхъ собакъ. Письмо одной работницы, помѣщенное въ газетѣ, обращаетъ вниманіе на „собачью опасность“ и требуетъ принятія мѣръ для охраны платья, а также и самихъ обитателей Москвы отъ этой новой опасности.

Отовсюду.

АНТИФРАНЦУЗСКІЯ ДЕМОНСТРАЦІИ ВЪ ИТАЛІИ.

Во время недавняго посѣщенія Италіи французской военной миссіей сказалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ враждебное отношеніе населенія къ французамъ. Въ Миланѣ и Венеціи при проѣздѣ миссіи раздавались изъ толпы враждебные возгласы и свистки.

Причиною этихъ манифестацій является создавшееся въ націоналистическихъ кругахъ Италіи убѣжденіе, что политика Франціи помѣшала Италіи воспользоваться результатами побѣды въ великой войнѣ. Въ частности обвиняется въ этомъ итальянской прессой Клемансо.

(Matin 28. IX).

ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ СУДЕБНОЙ ОТВѢТСТВЕННОСТИ МИНИСТРА ЗА ПРИЗЫВЪ КЪ НИСПРОВЕРЖЕНІЮ СУЩЕСТВУЮЩАГО СТРОЯ.

Въ Саксоніи, какъ извѣстно, власть находится въ рукахъ соціалистическаго правительства. Въ какомъ смыслѣ понимается эта власть нѣкоторыми изъ ея членовъ, видно изъ того, что одинъ изъ саксонскихъ министровъ, членъ партіи независимыхъ Флейсснеръ, былъ привлеченъ недавно къ судебной отвѣтственности за то, что на одномъ изъ публичныхъ собраній въ своей рѣчи призывалъ слушателей къ ниспроверженію существующаго порядка.

(Berl. Tgbl. 22-IX).

МАНЕВРЫ ВОЗДУШНАГО ФЛОТА ВО ФРАНЦІИ.

На восточной границѣ Франціи состоялись большіе маневры французскаго воздушного флота, на которыхъ присутствовалъ генералъ-инспекторъ авіаціи, маршалъ Файолль.

Темой маневровъ было воздушное нападеніе на Мецъ. Атаковали воздушные полки (бомбометательные и боевые), расположенные въ Мецѣ, Тіонвилѣ и Нейштадтѣ.

Воздушный боевой полкъ изъ Страсбурга долженъ былъ отбить нападеніе. Надъ Мецомъ маневрировало одновременно до 200 аппаратовъ. Нѣкоторымъ эскадрамъ пришлось сдѣлать впередъ и назадъ болѣе, чѣмъ по 200 километровъ.

Маршалъ Файолль слѣдилъ за маневрами съ земли, а затѣмъ съ аэроплана. Въ своемъ разборѣ онъ указалъ на ту исключительную точность, съ которой были проведены всѣ операціи. Нельзя не отмѣтить, что въ теченіе всѣхъ маневровъ, въ которыхъ приняло участіе 220 аэроплановъ, совершавшихъ полеты не только днемъ, но и ночью, ни одинъ изъ аппаратовъ не потерпѣлъ даже незначительной аварии.

(Journal des Débats 19-IX).

Изъ совѣтской печати.

Вредныя увлеченія.

„Правда“ № 211, 22. IX. 1921.

...„Въ теченіе четырехъ лѣтъ Московская Потребительская Коммуна вела усиленную работу по развитію коммунальнаго питанія, и въ послѣднее время число питающихся въ общественныхъ столовыхъ доходило до милліона человѣкъ. Но что это были за столовыя — всякій знаетъ. Во многихъ изъ нихъ грязь повсюду, начиная отъ кухни и кончая обѣденными столами, потолками и стѣнами. И это несмотря на то, что подъ эти столовыя были заняты лучшія помѣщенія (напримѣръ Филиппова). Дѣти, за отсутствіемъ ложекъ, хлебали щи прямо изъ чашекъ (тоже, конечно, грязныхъ).

Обслуживающій персоналъ былъ въ большинствѣ своемъ, мягко выражаясь, „невнимателенъ“ къ своимъ обязанностямъ и „непривѣтливъ“ къ посѣтителямъ.

Письма трудящихся.

„Правда“ № 213, 24. IX 1921.

Красноармеецъ Г. Кузнецовъ, сообщая о томъ, что торговки на Каланчевской ул. (у Николаевскаго вокзала) продаютъ мыло, завернутое въ брошюры, и что онъ самъ купилъ два куска мыла, тщательно запакованные въ „Гражданскую войну во Франціи“ Карла Маркса и „Итоги міровой войны“ Меньшича, — пишетъ: „У каждой торговки, имѣющей 100 кусковъ мыла, окажется минимумъ 30—35 брошюръ, что составляетъ цѣнную сельскую библіотеку, а этимъ сильн. оружіемъ долженъ умѣть владѣть каждый гражданинъ республики и хранить его, какъ свой глазъ, и такой злостной растраты ни въ коемъ случаѣ не допускать“.

„Извѣстія“ № 203, 18 сент. 1921.

„Въ Петрозаводскъ прибыла вторая партія бѣженцевъ изъ Самары и Саратова въ рубищахъ, безъ обуви. Мурманская ж. дорога направляетъ часть прибывшихъ на сѣверные участки, гдѣ не хватаетъ рабочихъ рукъ. Среди бѣженцевъ начались заболѣванія цынгой. Жилищный вопросъ стоитъ необычайно остро.“

Гельсингфорсъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Бесѣда съ проф. Д. Д. Гриммомъ.

Въ большевистскомъ сообщеніи о „заговорѣ“ Таганцева упомянуто имя проф. Д. Д. Гримма, б. члена Госуд. Совѣта, какъ имя одного изъ руководителей движенія. Нашъ корреспондентъ имѣлъ случай бесѣдовать съ проф. Гриммомъ, который сказалъ ему слѣдующее:

„Вы желаете, чтобы я Вамъ высказалъ свой взглядъ на ближайшее будущее Россіи.

Имѣетъ ли она вообще будущее, возродится ли она вообще, или же мы вынуждены констатировать окончательный распадъ русской государственности? Есть, конечно, среди насъ маловѣрные, которые склоняются въ пользу второй альтернативы, съ ссылкой на судьбу Вавилона, Ассиріи, Персіи, Рима... Однако, такой способъ аргументаціи совершенно неубѣдителенъ. Въ основѣ его лежитъ самая грубая inductio per enumerationem simplicem вкупѣ съ не менѣе грубымъ сужденіемъ по аналогіи. На самомъ дѣлѣ соціальные факторы, опредѣляющіе ходъ новѣйшей исторіи Россіи, не имѣютъ ничего общаго съ факторами, въ свое время предопредѣлившими судьбу вышеназванныхъ государственныхъ образованій.

До очевидности ясно, что даже независимо отъ національныхъ и политическихъ моментовъ, это всего, что связано съ недвижимъ прошлымъ страны, неустранимыя, неуклонно дѣйствующія географическія и хозяйственныя условія, вызвавшія къ жизни и укрѣпившія могучія центростремительныя силы, приведшія къ созданію единой великой Россіи отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря и Памира, отъ Тихаго океана до Вислы и Прута, — что эти условія не могутъ быть уничтожены par ordre de Mouphti, хотя бы роль Mouphti и игралъ самъ „великій“ Ленинъ, готовый продать Россію оптомъ и въ розницу, чтобы удержаться у власти, — или не менѣе „великій“ Ллойдъ Джорджъ.

Да, конечно, Россія возродится, и тотъ фактъ, что она въ хозяйственномъ смыслѣ была страной отсталой, дастъ ей даже возможность скорѣе зализать свои раны, чѣмъ это возможно для странъ съ болѣе высокой хозяйственной культурой, которыхъ коснулось мертвящее дыханіе послѣдней великой войны и вызванный ею всеобщій европейскій катаклизмъ.

Однако, прежде чѣмъ это возрожденіе можетъ начаться, необходимо, чтобы палъ совѣтскій режимъ. Этотъ режимъ нынѣ приходитъ къ концу. Онъ явно разлагается самъ, ибо не можетъ длительно существовать порядокъ, который построенъ на отрицаніи всякаго порядка, всякой законности, который успѣлъ

Записная книжка.

..Лѣто семнадцатаго года помню, какъ начало какой-то страшной болѣзни, когда уже чувствуешь, что болѣнъ смертельно, что голова горитъ, мысли путаются, окружающее пріобрѣтаетъ какую-то жуткую сущность, но когда еще держишься на ногахъ и чего-то еще ждешь въ горячечномъ напряженіи всѣхъ послѣднихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ...

А въ концѣ этого лѣта, развертывая однажды утромъ газету какъ всегда прыгающими руками, — я жилъ лѣто въ деревнѣ и многое узнавалъ только изъ газетъ, — я вдругъ ощутилъ, что блѣднѣю, что у меня пустѣетъ темя, какъ передъ обморокомъ: огромными буквами ударилъ въ глаза истерическій крикъ: „всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ!“ — крикъ Керенскаго, крикъ „Сашки-Дезертира“, какъ звали его тогда въ деревнѣ дезертиры-же, который, не понимая творимаго имъ, не вѣдая, что отнынѣ его имя будетъ проклинаемо всей Россіей до седьмаго колѣна, крикнулъ urbi et orbi, городу и міру, что Корниловъ — „мятежникъ, предатель революціи и родины“...

А потомъ было третье ноября...

Третьяго ноября Каинъ Россіи, съ радостно-безумнымъ остервенеѣніемъ бросившій за тридцать серебренниковъ уже всю свою душу подъ ноги дьяволу, восторжествовалъ полностью.

Москва, цѣлую недѣлю защищаемая горстью юнкеровъ, цѣлую недѣлю горѣвшая и сотрясавшаяся отъ канонады, сдалась, смирилась.

Все стихло, всѣ преграды, всѣ заставы божескія и человѣческія пали — побѣдители свободно овладѣвали ею, каждой ея улицей, каждымъ ея жилищемъ и уже водружали свой стягъ надъ ея опытомъ и святыней, надъ ея Кремлемъ. И не было дня во всей моей жизни страшнѣе этого дня, — видитъ Богъ, воистину такъ.

Послѣ недѣльнаго плѣна въ четырехъ стѣнахъ, безъ воздуха, почти безъ сна и пищи, съ забаррикадированными стѣнами и окнами, я, шатаясь, вышелъ изъ дому, куда, наотмашь швыряя двери, съ ледянымъ, сырымъ вѣтромъ, уже три раза врывались, въ поискахъ враговъ и оружія, ватаги „борцовъ за свѣтлое будущее“, совершенно шальныхъ отъ побѣды, самогонки и архи-скотской ненависти, съ пересохшими губами и дикими взглядами, съ тѣмъ балаганнымъ излишествомъ всяческаго оружія на себѣ, каковое освящено традиціями всѣхъ „великихъ революцій“.

Вечерѣлъ темный, короткій, ледяной и мокрый день поздней московской осени, хрипло кричали вороны. Москва, жалкая, грязная, обезчещенная, разстрѣлянная и уже покорная, принимала будничный видъ.

Поѣхали извозчики, потекла по улицамъ торжествующая московская чернь. Какая-то наскудная старушонка съ яростно-зелеными глазами и надутыми на шеѣ жилами стояла и кричала на всю улицу:

— Товарищи! любезные! Бейте ихъ, казните ихъ, рѣжьте ихъ, топите ихъ!

Я постоялъ, поглядѣлъ — и побрелъ домой. А ночью, оставшись одинъ, будучи отъ природы весьма нескловенъ къ слезамъ, я наконецъ заплакалъ и плакалъ буквально до самаго разсвѣта, плакалъ такими страшными и обильными слезами, которыхъ я даже и представить себѣ не могъ...

— „Ахъ, мщенія, мщенія!“ — какъ воскликнулъ однажды поэтъ Батюшковъ, заплакавъ при воспоминаніи о 1812 годѣ.

...А потомъ я плакалъ на Страстной недѣлѣ, уже не одинъ, а вмѣстѣ со многими изъ тѣхъ, которые поздними темными вечерами, среди темной Москвы, съ ея наглухо запертыми Кремлемъ, собирались, подобно первымъ христіанамъ, по темнымъ старинкимъ церквамъ, скудно озареннымъ красными огоньками свѣчей, и плакали, слушая горькое страстное пѣніе:

— Волною морскою... гонителя, мучителя подъ водою скрыша...

Сколько стояло тогда въ этихъ церквахъ людей, прежде никогда не бывавшихъ въ нѣй, сколько плакало никогда не плакавшихъ!

А потомъ я плакалъ слезами и лютаго горя, и какого-то болѣзненнаго восторга, — восторга освобожденія, — оставивъ за собой и всю свою прежнюю жизнь, и развалины опозоренной Родины, перешагнувъ въ изгнаніе изъ нея новую ея границу, границу въ Оршѣ, имя которой стало отнынѣ для многихъ изъ насъ символическимъ, — вырвавшись изъ этого разливаннаго моря страшныхъ, несчастныхъ, потерявшихъ всякій образъ человѣческій, буйно и съ какой то надрывной страстью орущихъ дикарей, которыми были затоплены буквально всѣ станціи, начиная отъ самой Москвы и до самой „русской“ Орши, гдѣ, во славу Третьяго Интернаціонала, всѣ платформы и пути были буквально залиты рвотой и испражненіями, ибо, очевидно, далеко не всегда „демократія приходитъ опоясанная грозой и бурей“...

...А теперь и слезъ нѣтъ. Четыре года, четыре года... Парижъ... „Вѣчные женихи революціонной Пенелопы“... вотъ тѣ самые, отцамъ которыхъ далъ Герценъ такую страшную характеристику, и до нынѣ ни чуть не утратившую своего страшнаго смысла:

— „Это — вѣчные женихи революціонной Пенелопы, habitués революціи... Неизбѣжные лица всѣхъ политическихъ съѣздовъ, сборищъ, демонстрацій, грозные издали, какъ китайскіе драконы изъ бумаги... Люди особые, съ раннихъ лѣтъ вжившіеся въ политическое раздраженіе, любящіе драматическую сторону его, среди которыхъ всѣ эти банкеты, демонстраціи, протестаціи, сборы, рѣчи, анамена — главное въ революціи... въ большинствѣ очень недалекіе и чрезвычайные педанты.. неподвижные консерваторы во всемъ революціонномъ, которые упираются на какой-нибудь программѣ — и ни съ мѣста дальше... всю жизнь толкующіе о небольшомъ количествѣ политическихъ мыслей и знающіе лишь ихъ риторическую сторону, лишь ихъ священное облаченіе, общія мѣста... Люди съ малыми способностями, но съ огромными претензіями, брошенные въ агитацію легкостью, съ которой всплываютъ въ революціонныя времена знаменитости, пріучившіяся къ потрясеніямъ и отучившіяся отъ работы, потому что жизнь въ кофейняхъ увлекательна, полна движенія и льститъ самолюбію... Люди, постоянно недовольные всѣмъ... революціонные Лацзарони, для которыхъ агитація — цѣль и награда... которымъ процессъ народныхъ возстаній правится, какъ процессъ чтенія Петрушкѣ Чичикова... у которыхъ всегда „самодержавный народъ“... Революція пала, какъ Агриппина подъ ударами своихъ же собственныхъ дѣтей. Но они все не хотятъ снять ни увядшихъ вѣнковъ, ни вѣнчальнаго наряда, хотя невѣста уже обманула, и продолжаютъ жить въ печальномъ самообольщеніи, въ раздорахъ, въ спорахъ, разъѣдаемые необузданнымъ самолюбіемъ... Какъ Дѣвнадцать Спящихъ Дѣвъ, они продолжаютъ день, когда заснули...“

Иванъ Бунинъ.